

ТОЛЬКО БЫ ВЫЖИТЬ ПОД ГРУЗОМ ПОБЕДЫ...

Рецензия на книгу Вальдемара Вебера "Черепки" (Москва 2000, издательство ЛИА Р.Элинина)

Последнее десятилетие то и дело осыпает литературных гурманов – любителей русской поэзии ворохами подарков. Открывается множество новых, и не обязательно молодых, имен. Выходят сборники, в которых оказывается сконденсирован целый творческий путь. Поэты, в нормальных условиях издававшие бы в два-три года по книге, втискивают в единственную книжечку, в эту узкую лодку, все самое главное, только самое необходимое. Лучшие из этих стихов представляют собой математически точные формулы жизни конкретной человеческой общности. Они дают четкое и однозначное графическое изображение в координатах пространства и времени. Не зря поэты, как правило, датируют стихи.

Книг много, тиражи невелики, и даже специалистам, людям, профессионально интересующимся современной русской поэзией, следить за ней трудно. И все же эту книжку многие заметили и отметили. "Черепки" - второй сборник стихов Вальдемара Вебера, известного переводчика, германиста. Его переводы немецкой поэзии всегда приятно было читать - им можно было доверять. Аккуратные, бережные, голос переводчика никогда не забивал в них интонации оригинала, не окрашивал его в немислимые цвета. Книга же стихов вдруг выделилась среди других, как выделялся в поэтической и переводческой среде сам Вебер. Выделялся, как ни странно, своей незаметностью, деликатностью, доброжелательностью, порядочностью, соответствию попросту норме - на фоне толпы непризнанных гениев, изломанных судеб, безумцев и праздных гуляк. Как и все мы, он "не печатался". Ну а как можно было печатать в "Юности":

Старый монастырь,
брошенный, развалившийся.
Время укололось
о ржавое острие колокольни
и лежит теперь у ее подножья,
огромное, мертвое.
Упоенные тленьем
ползают по нему.
1980

Мы страстно интересуемся обстоятельствами судьбы, личностью поэтов, которых уже нет в живых. Не говоря уже о Пушкине, каждый день жизни которого обсужден и изучен, сколько исследований и воспоминаний о Цветаевой, Мандельштаме, Ахматовой и Пастернаке выпускается ежегодно и раскупается нарасхват. О живущих писать не принято, наоборот, поэты защищают свою частную жизнь ссылками на лирического героя. Но на деле поэт сознает, что самой жизнью своей он должен являть "урок и пример". Держа в руках книгу Вальдемара Вебера, я думаю о книгах некоторых поэтов нашего поколения, ярких, безумно талантливых в молодости, книгах-итогах, неожиданно разочаровавших. А этот сборник – наоборот. Я думаю еще о медали моего отца, которой я играла в детстве, с надписью "За 20 лет безупречной службы"...

Почему "Черепки"? Все просто:

Стихи,
черепки сосуда,
по которым мы можем
лишь догадываться
о целом.
1989

Рифма в русской поэзии и теперь еще как нигде сохраняет свои права. О нерифмующем меньшинстве говорили, несколько сверху вниз : "верлибрист" /жуткое слово, ввергающее в воспоминания о советском цирке и страшном Верлиоке/. А из нерифмующих только о самых плохих – "рифмоплет". Сейчас к свободному стиху попривыкли, как и к самой погрузневшей свободе. Вот стихотворение о дожде 1989 года:

Вот так бы он лил и лил,
и случился потоп,
и покрыл наш позор,
а мы бы
спаслись...

И десять лет спустя:

Букет роз,
слегка распустившихся,
но уже начинающих подвядать,
похожих на плотно скрученные
рулончики свитков.
Боюсь, что они так и не развернутся
и я не прочту написанного на них.
1999

Цифры намертво привязаны к словам, как поэт ко времени, кроме уходящих в воображаемый мир. За эти десять лет столько изменилось. Свободы стало больше, свободных стихов тоже. Как измерить, стало ли меньше зла? Русские поэты пишут друг другу из Канады, Франции, Чехии, России, конечно, тоже... Посылают свои книжки. Невозможно выдирать из них цитаты. Оборванные на интересном полуслове, они призваны гнать читателя в книжный магазин. Но книжку Вебера – и нескольких других очень интересных поэтов - я обнаружила в Москве только в лавке при клубе ОГИ. Книги расставлены как попало, крепко пахнет кухней, но альтернативы, как прежде Ельцину, нет. Поэтому рецензия существует теперь не как реклама, а как возможность поделиться.

Облака моей родины
принимают очертания
наших бед, наших побед,
нищеты, надежды, величия,
желания вырваться
из оков бесчестия,
за пределы свершившегося.
Нигде на свете

нет таких облаков,
столько говорящих
им, нам, тебе,
мне одному...

1994

Есенин говорил, что поэту обязательно нужна родина. Что ж, у Вебера с родиной все в порядке (как и со всем остальным). Уехав – многими годами позже, чем другие – на запад, он постоянно приезжает, печатается в периодике, недавно получил в России – кстати, за прозу – первую премию на конкурсе им. Маковского. Но у него, немца по крови, есть еще – и всегда была – Германия, немецкая культура. Он все больше пишет по-немецки (и за немецкий вариант "Черепков" недавно получил премию ПЕН-Клуба Лихтенштейна). Сочетание такое, при наличии дара, всегда удачно – например, Бенуа. Где же душа поэта? Наверное, в пространстве, высоко над этой сушей.

Душа – натюрморт с чертополохом.
Голубоватое серебро стеблей,
высушенных бесконечностью,
медленным огнем
ее далеких голосов...
Дни прошлого,
теперь они не боятся
ни зноя, ни стужи.
1998

Каково ей там? Ответ, кстати, в рифму:

И непонятно, то ль мне это в дар,
То ль в наказание послано судьбой –

остаток дней прожить в ничьем краю,
где солнцесветит, но часы стоят,
как будто пережил я смерть свою
и, возвращаясь, не добрел назад,

Самое интересное в этом сборнике – это как подошли друг к другу, составившись в целое, стихи самых разных лет – в мнимом беспорядке, они склеились в правильной формы сосуд, как осколки льда у Кая сложились в слово *вечность*. Еще один поэт, еще одно подтверждение правила, не знающего исключений: хорошо жить, много работать, размышлять, в конце концов придти к богу. И вот одно из последних стихотворений – о волхвах:

Их путь к Нему
освещала звезда.
Остальным
пришлось добираться
в полнейшей тьме.
1.6.2000

Галина Погожева

«Русская мысль», Париж